

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «ГУРГУЛИ»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования таджикского эпоса «Гургули» в контексте других национальных версий, представляющие в целом художественные аспекты взаимодействия культур народов Центральной Азии и Кавказа. Предложены различные точки зрения относительно определения истоков эпоса («Гургули», «Гуругли»), исторического времени его формирования. Эпос распространён на территориях, где на протяжении многих веков совместно проживают ираноязычные (включая таджиков) и тюркоязычные народы (узбеки, казахи, азербайджанцы, туркмены). Этот контекст определяет распространённость данной эпической традиции в разных национальных формах и наименованиях.

Ключевые слова: эпос «Гургули», истоки самобытности, национальные версии, взаимодействие культур, феномен «метатезы», рожденный в могиле, Авеста.

Эпическое сказание «Гургули»¹ – значимое и уникальное явление в музыкальном наследии таджиков, в нем нашли своё художественное отображение легендарные исторические события народов Центральной Азии и Кавказа.

Эпос представляет собой цикл из 30 связанных дастанов, отличающихся вариантами исполнения представителями разных школ *гургулихони*² (в основном на юге Таджикистана), которые насчитывают около 150 версий. Значительный объем дастанов, по мнению некоторых исследователей³, превышает поэму Фирдоуси «Шахнаме», относящуюся к письменной эпической традиции.

Помимо ираноязычных таджиков, эпос «Гургули» в несколько иных формах, вариантах и названиях распространён среди тюркоязычных народов: Кёроғлы (Куроғлу) – у азербайджанцев, Гороғлы (Гёроғлы) – у туркмен, Гороғлы (Гурӯғлы) – у узбеков, казахов и других народов. В этих версиях эпос исполняется в прозаической форме, с отдельными музыкальными и стихотворными вставками, попеременным чередованием прозаического и музыкально-поэтического текстов. Главным героем в азербайджанской традиции является сын слепого Куроғлу, а в Средней Азии – у тюркских народов (узбеков, туркмен, казахов) герой именуется Гуругли, имя которого дословно переводится как «рожденный в могиле», «чадо могилы».

В отличие от тюркоязычных вариантов таджикская версия дастанов изложена в поэтической форме и полностью поется в сопровождении музыкального инструмента думбрак (малый дутар⁴) в особой горловой манере, с использованием распева на слог «хи». Как отмечает исследователь Л.Синицына, «Вся сладость гургулихона в особом голосе «хи». Поэтому их иногда называли «сихон»⁵ [22, 16].

¹ *Гургули* (в таджикском произношении звучит как Гургули) – в переводе с таджикского языка означает богатырь (великан), родившийся в могиле.

² *Гургулихон* – с тадж. яз.: исполнитель эпоса; *гургулихони*, *гургулисарои* – исполнение эпоса.

³ См. например: [11; 18; 21]

⁴ Дутар (с тадж. яз.: *дutor ду* – два, *тор* – струна) двухструнный щипковый музыкальный инструмент. Думбрак – другой вид дутара, распространён на юге Таджикистане, его называют еще «дугори майда» (малый дутар), имеет небольшие размеры, без ладков, используется преимущественно в жанрах фалак, рубоихони, эпической традиции *гургулисарои* и других.

⁵ Хихон – поющий «хи»

Центральным персонажем является легендарный герой Аваз-богатырь, чьи подвиги легли в основу рассматриваемой традиции. Каждый образ в эпосе имеет свою мелодию, которая как лейттема неизменно используется во всех дастанах. Эти напевы (свыше тридцати) выражают конкретную тематику (войну, вражду, любовь, печаль, радость, горе и так далее), а также являются характеристикой конкретного персонажа эпоса. Например, мелодию муки «Джанг» («Война») исполняют во время описания боевых действий, а муком «Дар асорат» («В плену») – во время попадания главного героя в плен [19, 81-82].

Ареал распространения эпической традиции огромен. Известный исследователь таджикской литературы, востоковед И.С. Брагинский выделяет следующие регионы: «Средняя Азия (у туркмен, узбеков, казахов, каракалпаков, таджиков и арабов), Кавказ (у азербайджанцев, кумыков, армян, грузин, абхазцев), Сибирь (у тобольских татар), Балканы (у гагаузов), Ближний и средний Восток (у курдов, турок, таджиков Афганистана)» [10, 21].

Особое значение в осмыслении истоков формирования эпоса Гургули имеет культурное взаимодействие ираноязычных (включая таджиков) и тюркоязычных народов (узбеки, казахи, азербайджанцы, туркмены). Именно в этом этнокультурном соотношении определились разные национальные формы эпоса, где в каждой, в том или ином виде, присутствуют элементы другой традиции.

Различные версии эпоса исследовались в трудах А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского, В.М. Жирмунского, Б.А. Корыева, Х.Г. Короглы, Т. Мамедова, Р. Амонова и других.

На сегодняшний день существует несколько актуальных аспектов в изучении таджикского эпоса, включая рассмотрение проблемы его национальной самобытности. Обсуждение этого вопроса нашло свое отражение в осмыслении особенностей музыкальной составляющей эпоса, в дискуссиях о его тюркских и таджикских корнях. Большое внимание уделяется также вопросам исторического становления эпоса, проблематике сюжетной линии и самого текста дастанов.

В контексте изложенного основное внимание в статье сосредоточено на обобщении существующих подходов в определении национальной самобытности и истоков формирования таджикского эпоса Гургули.

Основным признаком, обуславливающим существование национальной специфики таджикского эпоса «Гургули» и его принципиального отличия от других версий является музыкально-поэтическая форма. Этот аспект уже был отмечен ранее. В развитии данного положения представляется важным обратить внимание, что такой вид эпического сказания восходит к многовековой художественной традиции таджиков, к эпохе иранской культурной общности. Исследователь этого исторического периода, известный таджикский искусствовед Н. Хакимов на основе анализа многочисленных источников пришел к выводу, что в древнейшие периоды истории предки таджикского народа, пользуясь богатой мифологией, создали не только разнообразные песни и танцы, но и многочисленные эпические циклы, которые нашли отражение в письменном памятнике древних иранцев – Авесте (II-I тысячелетие до нашей эры). Сохранившийся цикл сказаний, связанный с династиями Каянидов – разнообразные песни, объединенные под общим названием «сыновья великанов» – отражают реальные исторические события, происходившие в Бактрии⁶ в IX-VII века до н.э. [25, 328-331]

Представленные сведения свидетельствуют о древних истоках музыкально-поэтических и эпических традиций таджиков. Эти традиции сохранялись и развивались в той или иной форме вплоть до наших дней. Вне этой преемственной связи нет возможности объяснить, почему именно таджикский эпос «Гургули», в отличие от других версий, представлен полностью в певческой форме с инструментальным сопровождением.

⁶ Бактрия – историческая область на сопредельных территориях современного Узбекистана, Таджикистана и Афганистана между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной на севере.

Музыкальный компонент эпоса совместно с его ритмо-поэтической структурой формирует композицию дастанов, отражающую основные разделы последовательной пространственно-временной развёрстки эпоса, исходными элементами которой являются взаимосвязанные друг с другом стихи и мелодии, инструментальные вступления, промежуточные и финальные построения, различные по протяженности музыкально-поэтические структуры, выступающие в качестве индикаторов границ переходов от одного раздела к другому.

Важной чертой композиционного строения дастанов «Гургули» являются использование определенных инвариантов, формирование которых обусловлено изустной канонической природой эпоса.

К первому уровню композиции дастанов, понимаемого как исходный этап структурирования, на основе которого формируются и два последующих, относятся структуры поэтического текста и вокальной мелодики.

Ко второму – первичная завершённая композиционная единица – ячейка, которая имеет начало и окончание, представлена несколькими вариантами, а также период, состоящий из одной или нескольких ячеек. Важным признаком периода, его завершения выступает финальный кадансовый оборот, направленный к основному нижнему устою. И, наконец, третий масштабный уровень, охватывает соотношение крупных разделов дастана, каждый из которых может состоять из нескольких периодов. На этом уровне реализуется вся композиционная структура конкретного дастана в целом.

Исследование особенностей композиции дастанов выявило наличие канонической модели эпического сказания Гургули, образуемой последовательным взаимодействием и развёрткой обозначенных выше трех основных масштабных уровней. Это первичная (исходная) композиционная единица – напев, в основе которой находится соотношение слогов одной поэтической строчки и их распева в мелодии. Совокупность первичных единиц образует ячейку, которая включает в себя также и инструментальные фрагменты, промежуточные и заключительные завершения интонационного процесса. Формой объединения ячеек выступает построение, которое можно назвать периодом – законченное в структурном и художественно-смысловом отношении образование, завершающееся на нижнем основном устое с использованием распева на слоге «хи» и инструментального отыгрыша. Сами же периоды, взаимодействуя, образуют структуру тематических разделов дастанов, каждый из которых представляет законченную и самостоятельную форму, выстроенную по единой для всех разделов и дастанов эпоса «Гургули» композиционной модели. К структурным особенностям каждого раздела относится использование определенных видов семи–одинадцатисложников и видов мелодий, часть из которых формируются как лейттемы определенных образов и событий в эпосе. Эти «лейт»-мелодии могут появляться в различных разделах и дастанах эпоса, если возникает необходимость отразить соответствующую ситуацию.

Относительно вокального распева на слог «хи»: его функция в основном заключается в завершении музыкального построения (напева, ячейки, периода), где мелодия опускается на нижний тон, к основному устою. Отметим два аспекта реализации этого элемента музыкальной композиции дастанов: 1) индикатор завершения какого-либо построения мелодии; 2) возможность исполнителя сделать передышку после долгого пения с использованием промежуточного инструментального отыгрыша.

Обратимся к следующим аспектам реализации самобытности таджикского эпоса Гургули, получившим отражение в работах разных исследователей.

Важной сферой определения национальной специфики эпоса является наличие в нем географических топонимов, имеющих древние таджикские названия – Чамбули Масто, Балхубон, Сангтуда, Тарноз, Джайхун, Кухи Зард, а также таджикских имен – Сугдун и ее дочь Зарина, Биби Хилол, Гулширмох, Хирмангул, Аваз, Нурали, Шерали и так далее. В этом же аспекте отметим названия садов (Ирамбог), птиц (Симург) и животных, в

особенности коней (Гули Бодом, Рахш, Ашкар, Саманд, Мушкин, Тезтак, Гандумбуй), а также названия мелодий («Гуйона», «Навруз», «Мехргони», «Бозаргони» и так далее) [20, 74].

Важным направлением в осмыслении специфики эпоса явилось объяснение различий в его наименованиях. В Таджикистане носители эпоса именуют его как Гӯргуули и в ином определении – как Гуругли (Гӯруғли) – эпос не бытует. Видный деятель таджикской науки, филолог, академик Р. Амонов, анализируя некоторые важные моменты эпоса, констатирует: сами сказители обозначают эпос как «Гӯргуули» (Gurguli) [3, 75]

Используемое название эпоса не имеет тюркских корней: «гӯр» переводится с таджикского как «могила», а «гул» – по мнению исследователя С. Фатхуллоева, по-арабски означает «богатырь». Иными словами, Гӯргуули – «герой-богатырь, рожденный в могиле» [24, 6].

Относительно распространения корня «гул» в таджикских названиях. Видный деятель культуры и искусства, заслуженный артист Республики Таджикистан Дона Бахром, продолжающий в своем творчестве другую эпическую традицию таджиков – *шохномахони*⁷, отмечает использование корня «гул» в названиях некоторых таджикских селений, например, кишлака «Ғулиён», расположенного в Дарвазском районе Таджикистана, что означает село богатырей – «пахлавонон» [12].

Один из первых исследователей фольклора и литературы таджиков, русский востоковед А.Н. Болдырев в своей статье 1933 года, посвященной Гургули, именно так передает название эпоса [27, 35-36]. Научную позицию Болдырева поддерживают ученые-фольклористы: Ф. Муродов [16; 17], С. Фатхуллоев [24], Д. Рахимов [18], Дж. Асрориён [4] и другие.

В истории изучения таджикского эпоса наблюдаются изменения в его названии, которые отражены в некоторых работах определенного периода времени: с Гургули на Гуругли. Если в 1930-е – 1950-е годы в основном использовали исходное определение, которым именуют его сами носители, то в последующие годы, преимущественно в научной сфере, стали использовать слово Гуругли. Вполне возможно, что здесь проявилась определенная идеологическая установка. Сейчас, в условиях нового таджикского государства ученые более свободно могут выражать свои мысли об истоках самобытности эпоса.

Например, И.С. Брагинский в своей статье 1955 года «Об изучении эпического творчества народов Советского Востока («Гургули» и «Гэсэр»)» использовал исходное наименование [8], хотя в работах более позднего периода обозначал название эпоса как Гуругли [7; 9; 10].

В качестве примера изменившегося отношения к названию приведем рассуждения таджикского фольклориста С. Фатхуллоева, который в статье 2010 года «"Гӯруғли" не, "Гӯргуули" гӯед» («Не говорите "Гуругли", а говорите "Гургули"») констатирует, что название таджикского эпоса состоит из двух корней: таджикского «гур» и арабского «гул», и тем самым подчеркивает, что в могиле рождается не сын (тюрское «угли»), а именно богатырь, великан. Фатхуллоев в своих прежних научных работах, как было принято в те годы, писал наименование эпоса как «Гуругли» [24, 6].

Обратим внимание на возможную связь в плане традиций эпического творчества таджиков с древним циклом сказаний «Сыновья великанов», о котором ранее уже упоминалось [25, 328-331], в частности, с идеей великана, рожденного в могиле.

Аналогичную позицию занимает филолог Ф. Муродов. В статье «Исторические корни народного эпоса «Гургули», «Гайбзод», «Пури гур», «Гурзод» он разъясняет значение имени Гургули и рассматривает его также как сочетание слов «гур» и «гул» (мифологическое

⁷ *Шохномахони* – исполнение сказаний из поэмы «Шахнаме» А. Фирдоуси.

существо, похожее на демона). По мнению исследователя, образ «Пури Гур» в народной сказке Бухары и «Гурзо» в Хорасане – это древние названия таджикских «Гургули» [17]

Если сравнить два корня в наименовании эпоса, которые используются в таджикской (Гӯр-ғули) и тюркской (Гӯр-ўғли) версиях, то надо отметить, что в обеих формах сохраняется таджикский корень «гӯр» (могила). Например, Гороглы (Гороғлы) – у туркмен, Гуруглы (Гӯрӯғлы) – у узбеков. Это объективное положение определенным образом свидетельствует о таджикских истоках формирования эпического сказания. Что касается другого корня – «ўғли» – здесь можно наблюдать проявление феномена «метатезы»⁸: перестановка букв в произношении названия эпоса («ғул» - «ўғли»), что характерно для перехода слов из одного языка в другой⁹.

Примером подобной перестановки является древняя таджикская сказка «Гурзод» (в переводе – «рожденный в могиле»), которая, как считает фольклорист Д. Рахимов, перешла в тюркоязычный фольклор народов Центральной Азии, где Гурзод трансформировался в тюркский вариант как Гуруглы [18, 59-60]¹⁰.

Особенно важным аспектом, помогающим прояснить вопрос происхождения эпоса, афганский ученый И. Шахрони считает изучение ареала распространения эпической традиции, в частности, в отдельных горных районах Афганистана. Исследователь обратил внимание на язык исполнителей – дарийский диалект персидского. Шахрони собрал большой материал (шесть томов) об эпосе «Гургули» на территории Афганистана. Он отмечает, что традиция сказительства была очень популярна и сейчас бытует среди таджиков. Ученый также обращает внимание, что в афганских регионах при исполнении эпоса на таджикском языке используются тюркские слова. Например, в провинции Чузджан, где преобладают узбеки, коня называют Курот (или, в варианте кавказских тюрков – Қирот), в то время как в таджикской версии используется как Зайналқир. Афганцы применительно к тюркоязычным сказителям используют слово бахши (как принято у узбеков и туркмен), а таджикских называют гӯянда¹¹, гӯрғулихон. [26, 148-180].

Наряду с исследователями, придерживающихся мнения о таджикских истоках формирования эпоса [4; 8; 17; 27], есть ученые, которые предлагают и отстаивают тюркский генезис эпической традиции [3; 9; 14; 15]. В их обосновании центральное положение занимает идея распространённости этого жанра среди тюркских народов Центральной Азии.

В частности, такой позиции придерживается таджикский филолог Р. Амонов. Прежде всего, опираясь на фольклорные исследования в районах Кулябской области, он подтверждает справедливость выводов А.Н. Болдырева о распространённости сказительского искусства на юге Таджикистана, показывает, что в этом регионе традиция востребована до настоящего времени, сохраняется преемственность в передаче мастерства исполнения. Отмечает, что хорошие рассказчики здесь всегда в почете, а приезд мастеров этого жанра музыки и литературы – большой праздник для сельчан [3, 74]. В таком контексте Амонов акцентирует, что здесь давно осели некоторые тюркские общины. Весной они перегоняли скот на обширные пастбища долины Сари Хосор¹² из Кургантюбе, Кизилмазора и Куляба, а зимой выпасали своих животных на пастбищах Дангары и Кизилмазора. По свидетельству жителей Сари Хосор, многие тюркоязычные сказочники пользовались популярностью среди таджикского населения [3, 90-91]. Вполне возможно, что здесь происходило взаимодействие разных этнических культурных традиций. В этом процессе определенную роль в период второй половины XIX и начала XX века сыграли

⁸ Метатеза – (с греч. перестановка) – взаимная перестановка звуков или слогов в пределах слова. Чаще всего встречается, когда слово из одного языка переходит в другой.

⁹ Например, в ванчском диалекте оно звучит как «Гиргили».

¹⁰ Оглы (углы, оглу, улы) означает сын, Гуругли – сын, рожденный в могиле

¹¹ Гӯянда – рассказчик, сказитель, певец, поэт-стихотворец.

¹² Сари Хосор – район Хатлонской области Республики Таджикистан, центр формирования первичной школы гӯрғулихони.

сказители Кундуз Соки (1850-1910) из села Дастори Кози Кизилмазор и Лола Мирзобоши (ум. 1932) из села Узун Курган-Тюбе.

О заимствовании тюркских элементов в эпосе «Гургули» сообщают некоторые таджикские исполнители – гургулихоны. По информации сказителя из Сари Хосор Курбонали Раджаба¹³ (1925-2019), данная традиция была впервые привнесена таджикам и узбекам «дурманами» (туркменами, в его понимании)¹⁴. При этом остается неясным, почему корень «гӯр» остался в процессе переноса, а корень «гул» был заменен на «ӯғли». Этот аспект требует дополнительного уточнения при разработке вопросов, связанных с проблемой истоков происхождения эпоса. Также следует отметить, что, по словам К. Раджаба, таджикские сказители в силу природного поэтического дара «превратили прозу в стихи, и по своему профессионализму почти достигли уровня Шахнаме» [11].

В этом же контексте приведем мнение фольклориста Д. Рахимова, согласно которому таджикский эпос «Гургули» демонстрирует прямую связь с азербайджанскими, узбекскими и туркменскими легендами. Но таджики создали особую музыкально-поэтическую форму древнего эпоса. Автор обращает внимание, что образная сфера эпоса «Гургули» имеет прямые параллели с иранским героем Шахнаме – Кайковусом. Рахимов также отмечает, что таджикская форма «Гургули» превышает по своим размерам азербайджанскую версию [18, 18].

Интересную точку зрения предлагает филолог С. Саидрахмон. В своей работе «Адабиёти қадим» («Древняя литература») выявляет ряд параллелей между героями эпоса и героями «Илиады» и «Одиссеи». И те и другие изначально имели божественное происхождение, но в своих земных проявлениях возрождались в образах героев легендарных эпических сказаний, в данном случае в дастанах Шахнаме и народном эпосе «Гургули» [21].

Известный исследователь литературы Средней Азии Х.Г. Корогли в своей работе «Трансформация заимствованного сюжета» рассмотрел признаки нестабильности сюжета устного творчества у народов Средней Азии и Ближнего Востока в контексте художественных традиций азербайджанцев, армян, турок, грузин, узбеков, таджиков, казахов и других. Отметим мысль автора: чем дальше героический эпос отходит от своего исходного места пребывания, тем больше он теряет свою индивидуальность [14, 106-125]. Корогли, отмечая одну из особенностей эпоса – связь с реальными историческими событиями, утверждает, что основной сюжет этого памятника народного творчества формировался в Азербайджане [14, 106-107].

Подобное понимание находим в работе Т. Мамедова, посвященной особенностям эпоса «Кёроглу». Он приводит мысль ученого М.Х. Тахмасиба, что «имя первого автора – создателя дастана – было Ровшан, псевдоним же его был Кёроглу» [15, 134]. Автор дастана являлся талантливым поэтом, ашыгом и виртуозом, исполняющим произведения на музыкальном инструменте сазе, принимал участие в крестьянском восстании джелали [там же]. Обратим внимание – Ровшан не тюркское, а персидское, таджикское имя, что косвенным образом свидетельствует об иранских влияниях на формирование данной эпической традиции азербайджанцев. В этом аспекте нужно отметить: рассматриваемый эпос также пользуется популярностью в ираноязычных странах (в Афганистане, Иране и Таджикистане). Так, например, в Афганистане бытует таджикская и узбекская, а в Иране – азербайджанская версия эпоса [28].

Возникновение таджикского эпоса «Гургули», по некоторым историческим данным, возможно, отражает социально-политические условия Средней Азии в конце XVII – начале XVIII веков [3; 6; 14]. С. Брагинский, базируясь на упоминании эпоса «Гургули» в разных

¹³ Курбонали Раджаб – ученик Шарифа Шейха (исполнителя *Гургули*, служившего при дворе Амира Балджувана), представителя школы Нурали Чрик.

¹⁴ Легенды района Сари Хосор.

источниках, делает вывод, что «на территории Таджикистана уже во второй половине XVIII века бытовали эпические сказания о Гургули, богатырях сказочной страны Чамбул» [7, 11].

Войны, разрушения, угнетение и невыносимое налогообложение приводили к народным волнениям, которые «испытывали традиции борьбы против гнёта, имевшие неоценимое значение, ибо они служили питательной почвой для народной мечты о царстве равенства и свободы» [7, 81-105]. Люди мечтали о стране, где существует справедливость, где народ живет в условиях равноправия всех членов общества, где сказители для успокоения своей души создают и исполняют песни и сказки. Примером может служить легенда о «Золотом кишлаке» и стране Чамбули Масто́н – социальная утопия, мечта людей о земле, где все могли быть счастливы.

Таджикский фольклорист С. Аминова считает, что эпос появился ранее, чем в XVII – XVIII веках. Она предлагает рассматривать возможность его возникновения в более ранний исторический период – в XIV – XV веках. Ученый указывает на упоминание об Авазе – герое эпического сказания – в «Трактате о Дилкушо» Убайда Зоко́ни (1270-1370), а также о Гайбзоде – главном герое одноименного произведения «Гайбзод» поэта Абдулло́ха Хотифи (1453-1520), имеющем определенное сходство с главным персонажем «Гургули» [1, 25-37].

Другой таджикский ученый, историк Дж. Асрориён, рассматривая вопросы древности происхождения таджикского эпоса, отмечает прием горлового пения, характерный для исполнительской традиции гургулихони [4, 20-21]. Он приводит стихи великого средневекового поэта Джалолиддина Балхи (1207 – 1273), где упоминается о существовании с древних времен характерного способа пения:

Бонги гардишхой чарх аст, ин ки халқ,
Месарояндаш ба танбуру ба ҳалқ.
*Звуки вращения небесных тел, этот народ,
На танбуре, издавая горлом звуки, поёт.*

Слово *ҳалқ* в переводе с таджикского языка означает горло. Можно предположить, что двустишие Балхи относится к описанию приема горлового пения, используемого исполнителями эпоса «Гургули».

Отдельную главу таджикскому эпосу посвятил исследователь Б.А. Каррыев в своей работе «Эпические сказания о Кероглы у тюркоязычных народов». Он провел сравнительный анализ легенды о Кероглу у тюркоязычных народов Средней Азии и Закавказья. Положительно оценивая выводы, сделанные Болдыревым и Брагинским относительно времени возникновения таджикского эпоса, Каррыев присоединяется к их точке зрения, также считает, что формирование эпоса осуществлялось на протяжении XVII – XVIII веков [13, 134-146].

Иной точки зрения придерживается исследователь эпоса Фатхуллоев. Он считает, что вопрос о происхождении остается открытым, поскольку на сегодняшний день первопричины, лежащие в основе возникновения этой традиции полностью не изучены. Относительно времени завершения формирования эпоса, он соглашается, что оно приходится «на более поздний период, а именно на XVII – XVIII вв.» [23].

В своих научных работах Фатхуллоев отметил причины распространения эпоса среди тюркоязычных народов: во-первых, эти народы жили по соседству, были во многом этнически похожи и их культуры переплетались; во-вторых, движение рассказчиков и бродячих певцов не было ограничено определенными территориями.

Принимая во внимание эти выводы и умозаключения, необходимо учитывать следующие моменты. С методологической точки зрения существует риск смешения разных вариантов эпоса при автоматической передаче информации из одной сферы культуры в другую. Следует отметить, что при всем сходстве различных версий рассматриваемого эпоса каждая национальная культура сформировала свой оригинальный вариант.

В этом контексте отметим важное высказывание Болдырева: «Справедливости ради необходимо отметить, что самостоятельность таджикского эпоса настолько очевидна и

располагает такими крепкими и богатыми традициями, что тут уж нельзя обойтись лишь утверждением о его принадлежности тому или иному народу» [5, 37].

В завершении отметим следующее. Приведенные данные свидетельствуют о взаимодействии традиционных культур региона. В этом контексте эпос «Гургули» можно рассматривать как важный источник исторической информации о взаимовлиянии культур народов Центральной Азии и Кавказа, о формировании и развитии эпических жанров.

Эпос представляет самобытный феномен национальной музыкально-поэтической культуры таджиков, истоки которого восходят к древним общеиранским культурным традициям. Сам эпос сложился как отдельный и самостоятельный феномен в XVIII веке во взаимодействии с региональными эпическими жанрами. Он отразил в художественной форме, с одной стороны, общие социальные явления и духовные чаяния народов Центральной Азии XVII – XVIII веков, а с другой – древние иранские эпические традиции, запечатленные в фундаментальных литературных памятниках, таких, как «Авеста», «Шахнаме» и других.

Литература

1. Аминова, С. Бозёфт // Садои Шарк. – 1966. № 3. – С.125-137.
2. Амонов, Р. К изучению таджикского эпоса // Докл. АН Тадж.ССР. – 1954. – № 12. – С. 15-21.
3. Амонов, Р. Очерки эчодиёти даханакии Кӯлоб: (Дар асоси материалҳои фолклори Сари Хосор). – Д., 1963. – 346 с.
4. Асрориён, Ч. Гӯрғули. – Д., 2010. – 178 с.
5. Болдырев, А.Н. Эпоси даханакии халки тоҷик // Барои адабиёти социалисти. – 1934. – № 11/12. – С.37-39.
6. Болдырев, А.Н. К фольклору Таджикистана. Предварительные данные об эпической традиции у таджиков // Тр. Тадж. базы АН СССР. – М. – Л., 1936. – Т.3. – С.59-73.
7. Брагинский, И.С. Заметки о таджикском народном эпосе «Гуругли» // Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. – С. 88-119.
8. Брагинский, И.С. Об изучении эпического творчества народов Советского Востока («Гуругли» и «Гэсэр») // Советское востоковедение. №3. – М., 1955. – С.2-35.
9. Брагинский, И.С. Исследования по таджикской культуре (К проблеме межлитературных связей народов Советского Востока). – М.: Наука, 1977. – 288 с.
10. Брагинский, И.С. Введение // Гуругли: Таджикский народный эпос – М.: Наука, 1987. – С. 3-44.
11. Интервью со сказителем Курбонали Раджаб. Ховалинг, 2011 // Из личного архива Рахимзода К.
12. Интервью с заслуженным артистом РТ Дона Бахром. – Душанбе, Таджикистан, 2019 г. // Из личного архива Рахимзода К.
13. Каррыев, Б.А. Эпические сказания о Кероглы у тюркоязычных народов. – М., 1968. – 233 с.
14. Короглы, Х.Г. Трансформация заимствованного сюжета (По материалам эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии). – М., 1977. – 25 с.
15. Мамедов, Т. Эпические напевы дастана «Кёроглы» // Музыка эпоса. – Йошкар-Ола: Госкомиздат Марийской АССР, 1989. – С. 133-138.
16. Муродов, Ф. Куллиёти фолклори тоҷик. – Душанбе, 2007. – Ҷ. 7. – 264 с.
17. Муродов, Ф. Решаҳои таърихӣ эпоси халқии «Гӯрғули», «Гайбзод», «Пури гур», «Гурзод» // Известия АН РТ. Серия филология и востоковедение. – 2010, №1. – С.69-76.
18. Рахимов, Д. Хамосаи «Гӯрғули» ва шинохти он. – Д.: Ирфон, 2019. – 143 с.
19. Рахимов, К. Таджикский эпос «Гуругли» в традициях исполнительской школы Хикмата Ризо. – Душанбе: Ирфон, 2019. – 256 с.

20. Рахимзода, К. Таърихи пайдоиш ва ташаккули навъи хамосасарой дар эҷодиёти шифохии халки тоҷик // Санъатшиносӣ.– Д., 2020. – №1(1). – С.68-78.
21. Саидрахмон, С. Адабиёти қадим. – Д., 2005. – 256 с.
22. Синицина, Л. Звезды светят всем. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 176 с.
23. Фатхуллоев, С. Идеино-эстетическое своеобразие эпоса «Гуругли» и его роль в духовной жизни таджикского народа: Автореферат дис...кандидата филологических наук . – Душанбе, 2004. – 22 с.
24. Фатхуллоев, С. «Гӯрӯғли» не, «Гӯрғули» гӯед // Адабиёт ва санъат. – 2010. – 1 апреля. – С.6.
25. Хакимов, Н. Музыкальная культура таджиков: древнейшая, древняя, раннесредневековая история. Книга 1. Социофункциональные аспекты эволюции музыкальной культуры таджиков. – Худжанд, 2001. – 458 с.
26. Шаҳрони, И. Достонҳои Гуруғли: Дар заминаи адабиёт ва фарҳанги мардум дар Афғонистон. – Кобул, 1996. – С. 148-180.
27. Boldirev, A.N. Varaqayi toza dar borayi taftisi dostonhoyi dahnakiyi tocik // Inqilobi madani. – 1933. – С.35-36.
28. Sakata, H. L. (U.S.A.) The musical aspects of the Gorgholi epic of Afganistan // II Milletlerarasi Turk Folklor Kongresi bildirileri. – Ankara, 1983. – P. 241-261.

Caromatullo Rahimzoda

On the problem of the formation of the Tajik epic tradition «Gurguli»

Abstract. The article examines the issues of the autochthonous nature of the Tajik epic «Gurguli», its originality and differences from other national versions, representing in general the artistic aspects of the interaction of cultures of the peoples of Central Asia and the Caucasus. Various points of view are presented regarding the origins of the definition of the epic («Gurguli» or «Gurugli»), the historical time of its formation. It is noted that the epic is widespread in territories where Iranians (including Tajiks) and Turks (Uzbeks, Kazakhs, Azerbaijanis, Turkmens) have lived together for many centuries. This context reveals the reasons for the prevalence of this epic tradition in different names and forms.

Key words: epos «Gurguli», national versions, interaction of cultures, autochthonousness of the Tajik tradition, the phenomenon of «metathesis», born in the grave.

Сведения об авторе: Рахимзода Кароматулло Самандарович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и теории музыки Таджикского государственного института культуры и искусств им. М. Турсунзаде.

e-mail: karomat_rahimov@mail.ru

Information about the author: Rakhimzoda Karomatullo Samandarovich, candidate of art history, associate professor of the department of art history and music theory, Tajik State Institute of Culture and Arts named after M. Tursunzade.

e-mail: karomat_rahimov@mail.ru